

30 января (12 февраля)

Мученик
Стефан (Наливайко)

Мученик Стефан родился в 1898 году в селе Константиновка Мелитопольского уезда Херсонской губернии в благочестивой крестьянской семье Пимена и Евфросинии Наливайко. Большое нравственное влияние на мальчика имела его мать Евфросиния Романовна, усилиями которой он получил хорошее церковное воспитание, прекрасно знал Священное Писание и полюбил читать духовные книги.

После установления советской власти, когда начались гонения на Православную Церковь, Евфросиния Романовна стала ходить по соседним селам с проповедями. Власти предупредили ее: «Бабка, кончай проповедовать, а то иначе посадим». Но не послушалась их Евфросиния. В конце концов зимой 1927 года пришли ее арестовывать. Она надела кожух и, показывая на другой кожух, сказала парню, которому было поручено ее арестовать:

- Ты бери два кожуха.
- Да зачем мне? – сказал он.
- Да тебе еще придется меня обратно везти.
- Бабка, много ты знаешь, – надменно ответил тот и кожух не взял.

После допроса Евфросинию Романовну сразу же отпустили домой, и тот же парень повез ее в село Константиновку, жалея уже, что не взял второй кожух, который бы ему теперь пригодился.

Скончалась она в родном селе в своем доме в 1929 году.

Когда Степану исполнилось девять лет, родители отдали его в церковноприходскую школу, в которой он проучился три года, после чего поступил в училище при Григорие-Бизюковом монастыре, где учился два года. В это время настоятелем монастыря был архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) и монастырь славился благочестием иноков и миссионерской деятельностью. Время, проведенное в Григорие-Бизюковом монастыре, оказало на Степана весьма благотворное влияние и сказалось потом на всей его жизни.

Здесь Степан почувствовал сердцем, сколь велика поэтическая красота и духовная глубина православного богослужения. Он стал посещать почти все службы, и его благословили прислуживать во время богослужения. В монастыре он ощутил, что представляет из себя та подлинно духовная атмосфера, когда люди всецело устремлены ко спасению; в монастыре он основательно ознакомился с церковным преданием, в особенности читая жития святых. Никакой подвиг, никакое мужество, никакой труд, никакая нравственная и духовная красота, никакая мирская мудрость не могут сравниться с подвигом, мужеством, трудом, нравственной и духовной красотой и мудростью святого. Весь мир с его представлениями о совершенстве и подвигах померк в глазах мальчика и предстал, как бледная тень подлинной жизни и подлинной цели. Неотразимо прекрасный христианский идеал и жажда достигнуть его поселились в душе Степана и не оставляли затем в течение всей его жизни. Особенно его поразило, как и многих верующих русских подростков, житие святого праведного Алексия, человека Божия.

Когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, он вернулся домой и стал

помогать отцу по хозяйству. Его отец, Пимен Константинович, был из бедных крестьян, своей земли не имел и арендовал от пяти до десяти десятин – когда сколько было по силам обработать; имел двух лошадей и корову. Но не к хозяйству склонялись ум и сердце Степана, и в 1914 году, когда ему исполнилось шестнадцать лет, он уехал в город Геническ, поселился на монастырском подворье и был принят певчим в монастырский хор. Здесь он почувствовал недостаток церковного образования, в основном в знании церковного устава, и в течение двух месяцев усиленно занимался изучением устава в Корсунско-Богородицком монастыре. После этого, вернувшись в родное село, он поступил певчим в церковь, где настоятелем тогда был священник Павел Буцинский, расстрелянный впоследствии большевиками. Одновременно Степан помогал отцу по хозяйству.

В феврале 1917 года Степан был мобилизован в действующую армию. После трех месяцев обучения в городе Екатеринославле он был направлен на Румынский фронт. В июле 1917 года немцы, пользуясь происшедшей в России революцией и связанной с ней дезорганизацией армии, перешли на Румынском фронте в наступление, в результате которого части 134-го Феодосийского полка, где служил Степан Наливайко, попали в плен. Находясь в плену, Степан около двух месяцев работал в прифронтовой полосе, а затем был заключен в концлагерь «Ламсдорф», где пробыл до января 1918 года, когда администрация лагеря отправила его на гражданские работы в поселок. К тому времени Украина по Брест-Литовскому договору отошла к Германии и была занята германскими войсками. Мать Степана, Евфросиния Романовна, обратилась к оккупационным властям с просьбой разрешить сыну вернуться из плена домой. Осенью 1918 года разрешение было получено, и Степан снова был заключен в концлагерь «Ламсдорф», на этот раз для отправки на родину. В это время в Германии произошла революция, и условия содержания военнопленных в концлагере настолько ухудшились, что им стала грозить голодная смерть. И Степан бежал из концлагеря. Домой в Россию ему пришлось идти пешком и днем и ночью, в пути переноса голод и холод. Он прошел часть Германии, Австрию, Венгрию, переправился через российскую границу, добрался до Херсона и наконец пришел в свой уездный город Алёшки, где получил документы, свидетельствующие, что он солдат, вернувшийся из плена домой. До родного дома Степан добрался за четыре дня до Рождества Христова.

Он устроился в храм псаломщиком и работал в своем до крайности бедном по тем местам хозяйстве. Отец к тому времени состарился, мать была тяжело больна, за ней некому было ухаживать, и Степан ради этого решил жениться. Девушку взял круглую сироту из того же села, Харитину Дмитриевну Севастьянову. Через год у них родилась дочь Раиса.

Сострадание к угнетенному народу и к новым властям, представители которых ядом безбожия отравляли и губили свои и чужие души, – все наталкивало на мысль, помолившись, понять, как хоть сколько-нибудь облегчить общее горе и найти утешение совести, голос которой явственно звучал в душе Степана и призывал действовать. Чистая душа не принимала и не соглашалась со злом, воцарившимся в русском мире будто по праву. Этого, считал он, быть не должно, потому что мир осиял свет Христов, который, входя в души, призван их преобразить и обожить. И Степан начал усердно молиться Богу, чтобы Господь указал ему, как поступить. И в сновидении после молитвы ему было возвещено, что он должен отправиться в Москву, где ему будет сказано, что надо делать. И в

начале апреля 1923 года он оставил дом, жену, дочь и хозяйство и направил свой путь в Москву. Путешествие до столицы заняло более сорока дней.

Прежде чем выйти на общественное поприще, Степан приготовил душу, поповившись и помолившись, исповедавшись в Донском и Даниловом монастырях и причастившись Святых Христовых Таин.

В период пребывания Степана в Москве скончался патриарший архиерей Константин Розов. Отпевание и похороны были назначены на 3 июня в три часа дня на Ваганьковском кладбище. Народу собралось множество. Когда гроб с телом почившего был внесен в церковь, двери храма закрыли и к ожидавшей толпе вышел священник и сообщил, что похороны архиерея переносятся на утро следующего дня ввиду того, что не успели приготовить могилу и не прибыли ближайшие родственники.

Люди еще не разошлись, когда на возвышение взшел Степан и сказал проникновенное слово о почившем архиерее, а затем, обращаясь к народу, прибавил:

– Время сейчас очень трудное, тяжелое, но это время избавления народа от греха, поэтому прошу вас – не забывайте Бога. Крестите детей. Не живите невенчанными. А главное, живите по совести. Настанет время, когда православные христиане воспрянут, Бог этих богоненавистников свергнет.

Во время его речи милиция попыталась арестовать проповедника, но народ стоял стеной и не допускал. Тогда был вызван наряд милиции, Степан был арестован и на пролетке отвезен в отделение милиции. Дорогой милиционер спросил Степана, из какой он губернии. Степан ответил:

- Губернии все мои.
- Как ваше имя и сколько вам лет? – спросил милиционер.
- Мне двадцать четыре года. Фамилия моя Наливайко Стефан Пименович.
- Где ваши документы? – спросил милиционер.

Степан расстегнул на груди рубашку и, показывая на тяжелый оловянный крест, сказал:

- Вот мои документы. Больше у меня нет ничего.

В отделении милиции он отказался отвечать на вопросы и был отвезен в ОГПУ. Здесь ему предложили заполнить анкету. Степан на вопрос, к какому он принадлежит государству, написал: «Новому Иерусалиму». А для неосведомленного следователя пояснил: «Сходящему с небес». На вопрос о профессии написал: «Жнец». О работе: «Свидетель слова Божия, проповедник». На вопросы, где работал, на какие средства жил и владел ли каким недвижимым имуществом, написал: «По воле Иисуса Христа всем тем, что подавал Иисус Христос». На вопрос о воинском звании ответил: «Воин Иисуса Христа». На вопрос анкеты об имущественном положении Степан написал: «Вечное Евангелие внутри меня». На вопрос о политических убеждениях ответил: «Истинно православный христианин». На вопрос, чем занимался и где служил, ответил словами, полными скорби и горечи: «Не помню, но знаю, что в России, тогда еще Россия была, а теперь я вам не буду о России говорить, потому что ее не существует».

7 июня состоялся допрос.

- Где вы жили по приходе в Москву? – спросил следователь.
- Жил я в эти дни на середине города Вавилона.
- Как оказались на Ваганьковском кладбище?
- Попал я на Ваганьковское кладбище водимый Духом, данным мне от Бога, с целью свидетельствовать слово Божие. На кладбище было много народа, к

которому я обратился с речью и указал, что настает время избавления от греха.

– Как вы относитесь к советской власти?

– Я настоящую власть не одобряю, потому что она не признает Бога. Я послан бороться с этой властью, но борьба моя не воинским оружием, а словом правды Священного Писания.

На этом допрос окончился. Следовательно, внимательно прочитав ответы Степана, через два дня снова вызвал его и спросил:

– Почему не существует теперь России?

– Россия была тогда, когда стояли у власти православные, а теперь город Вавилон, то есть город беззакония, – ответил Степан.

– Вы принимали участие в гражданской войне?

– В гражданской войне я участия не принимал. Способ избавления от грехов беззакония – это обращение людей к правде, то есть признание Иисуса Христа Сыном Божиим. Я не могу придерживаться этой власти, потому что никто не может угодить двум господам. Эта власть вредна, потому что она идет против Бога. Я желаю власть ту, которая всецело повинуетя Иисусу Христу, Сыну Божию.

Эта власть – тьма, а при той власти люди ходили бы в свете.

Через два дня следовательно снова вызвал Степана на допрос и спросил:

– Вы советскую власть признаете?

– Как ее не признать? Как можно не признать власть, когда она существует? Вот вы скажете – это чернильница, и вы спросите меня – это чернильница? И я отвечу – конечно чернильница. Как я могу сказать, что ее нет? Власть, конечно, есть. Но многие взгляды с ней на религию я не разделяю. Если бы не было гонений на Церковь, то я бы разделял с ней свои взгляды. Если бы власть не разоряла церкви, не убивала и не высылала священников, то я бы ее приветствовал, а так – нет, приветствовать я ее не могу и не хочу о том врать.

В тюрьме ОГПУ Степан первое время сидел в общей камере, и его присутствие здесь стало большим утешением для узников. Он сразу сказал, что хотя и арестован за агитацию против советской власти, но и теперь, лишенный свободы, не боится открыто говорить следователям правду. Основание советской власти воздвигнуто на песке. Не бойтесь и не тоскуйте, время избавления близко.

В середине июня Степана перевели из тюрьмы ОГПУ в общую камеру Бутырской тюрьмы. 25 июня он направил следователю ОГПУ заявление, обращенное к властям: «Правители Русской земли, прошу обратить внимание на свой народ, как он стонет под игом самого себя; жалостно смотрит на правителя – а правитель смотрит на народ. Рассуди каждый, не страх ли владеет человеком? И этот страх есть страх неправды. Неужели неправда сильнее правды? – Ни в коем случае, потому что неправда над человеком властвует, покуда человек существует на этой земле, а умирает человек – и неправда также умирает. Обратимся к правде, какова сила правды. Если живет человек правдою, то гоним ли он, хулим ли, угнетаем ли, насильствуем ли кем-либо, болен ли... и, наконец, умирает ли, обратите свой взор на него, с какою радостью переживает все это! Почему так? Потому что правда, которой он жил, не умирает. Правда побеждает и смерть, потому что имеет Царство и силу прежде всех век и во веки веков. Аминь.

Время близко к осуществлению правды, и она не пройдет мимо, ибо наступает час жатвы, предсказанный Иисусом Христом...

А посему прошу вас, правители Русской земли, довольно побеждать свою землю... Обратитесь ко Христу и познайте в Нем жизнь...»

31 августа 1923 года Степан был вызван следователем Казанским на допрос.

На заданные вопросы Степан ответил: «По приходе моем в Москву, я по пути свернул в Данилов монастырь, где пробыл всего несколько дней; здесь исповедовался, не помню у кого. Некоторые прихожане, которых я не знаю, приглашали меня к себе иногда закусить, иногда переночевать. Был также в Донском монастыре, где также исповедовался, у кого – не помню. При пребывании моем в Москве я слышал от людей о смерти архидиакона Розова и предстоящих его похоронах на Ваганьковском кладбище, что и заставило меня отправиться на кладбище. Больше по моему делу показать ничего не имею и показывать не буду».

Степан Пименович Наливайко. Москва, Бутырская тюрьма. 1923 год

22 сентября сотрудник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ составил заключение по «делу». «Спрошенный в качестве обвиняемого гражданин Наливайко, – писал он, – показал, что, выступая с антиправительственной речью, он лишь выполнил миссию проповедника, выполняя повеление Божие обличать правителей, данное ему в сновидении; что примириться с существующей неправославной властью он не может и впредь будет бороться с нею, но не оружием, а словом. Содержась под стражей, гражданин Наливайко направил два заявления следователю, полные упреков советской власти за якобы большое притеснение народа и предсказывая близкое ее падение... Полагаю: признать Наливайко элементом социально опасным и, руководствуясь декретом ВЦИК от

10.8.22 года, подвергнуть его высылке в административном порядке в Архангельскую губернию сроком на три года».

«На три года в лагерь», – исправил начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучков.

26 октября 1923 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила Степана «к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на три года».

В лагере ему пришлось нелегко: он заболел цингой и у него отнялись ноги. Узнав о тяжелом положении Степана, его мать, Евфросиния Романовна, отправилась к нему в Соловецкий лагерь на свидание. С собою она взяла белье и продукты. Состояние здоровья Степана было критическим – на свидание его вынесли на носилках. На время свидания сыну и матери выделили отдельную комнату, где они пробыли несколько дней.

Через три года, по окончании срока, представители ОГПУ вызвали Степана и спросили:

- Ну как, вы изменили свои убеждения?
- Нет, не изменил.
- Тогда получите еще три года ссылки.

Ссылку он отбывал в Казахстане, в городе Туркестане. Когда прошли и эти три года, ему дали еще три года ссылки, словно желая, чтобы он остался здесь на всю жизнь. В ссылке он научился разного рода ремеслам, в которых проявил недюжинный талант, – мог сделать и лодку, и мандолину, и гитару, а если нужно, то и фаэтон. Степан снял в аренду дом с садом и пригласил к себе жену с дочерью.

Дочь Раиса должна была пойти в школу, но когда ей исполнилось семь лет, Степан написал из ссылки: «Ни в коем случае не отдавайте в школу». Он помнил и свое церковное обучение, и заветы святых отцов, таких как святитель Василий Великий, который говорил, что лучше вообще остаться без светского языческого образования, чем, по-мирски образовавшись, повредить своей душе. Домашние послушались Степана, который пользовался и дома, и в селе большим авторитетом, и не отдали девочку в школу. Учителя приходили к ним домой и принуждали отдать ее в школу, но родители Степана держались в этом отношении твердо. Уже пришла к ним и дочь их, Татьяна, и стала уговаривать отца:

– Папа, я слышала в сельсовете, что если ты внучку не отдашь в школу, то к тебе придут и заберут коня.

Тяжело было старику слушать, что он может потерять своего рабочего помощника, лошадь, он уже и не знал, что делать, а тут вскоре пришли учителя. Встретила их Евфросиния Романовна и сказала: «Да на что она ей, школа-то? Она и так уже грамотная».

Учителя продолжали уговаривать, но девочку так и не отдали в школу, а тут вскоре Степан позвал жену с дочерью к себе. Девочка ни букв, ни азбуки совершенно не знала. Здесь, в Казахстане, она уже всему научилась и получила начальное образование. Изучила Закон Божий, арифметику, историю. Одно тяжело было в ссылке – церковь была только обновленческая, и семья туда не ходила.

Изучая Закон Божий, Раиса дошла до повествования о том, что Дева Богоматерь родила Иисуса Христа и, однако, осталась Девой, и было ей это смутительно – как такое может быть. И она поведала о своем недоумении отцу:

– Я не понимаю. Или тут ошибка какая?

Степан, выслушав ее, ответил:

– Правильно ты говоришь: Богородица родила Иисуса Христа и осталась Девой. Теперь вспомни – сколько чудес было при Моисее, как было разделено Черное море, вспомни о неопалимой купине, как прозяб жезл Ааронов, вспомни чудеса, которые были совершены пророком Илией. Что это такое? Чудеса? Да, чудеса! Это то, что совершено силою Божиею вопреки земному порядку вещей. Творец и Законодатель Господь Сам, если пожелает, дает новый закон или, вопреки установленному Им закону, совершает деяние сверхъестественное, которое нами, людьми, воспринимается как чудо, – совершает, чтобы человек видел руку Творца и понимал, Кто есть подлинный Законодатель и мира Творец.

Наступил 1931 год, подходил к концу третий срок. Евфросиния Романовна к тому времени уже умерла, Пимен Константинович был очень стар и стал совсем немощным, и пришлось жене Степана Харитине с дочерью уехать в Константиновку, чтобы помочь старику убрать хлеб, там они и остались до решения властями дальнейшей участи Степана. Родители решили, что дочь получила достаточное религиозное воспитание и начальное представление о Боге, о Церкви, о всемирной истории и об истории России и для нее уже не будет нравственно опасным обучение в безбожной школе; они отдали ее учиться в школу, и впоследствии она получила высшее образование.

Степан был человеком общительным, с ним всякому было интересно беседовать, но о чем бы ни шел разговор, он всегда переводил его на беседу о главном – о Боге. Многие жители городка ходили к нему домой, ходили и высокие чины ОГПУ. И он спросил их однажды:

– Ну знаете что, друзья, вы собираетесь меня освободить или нет? Ничего на мой счет нет?

– Нет, – ответили те.

– Я тогда напишу в Москву, – сказал Степан.

И он написал властям в Москву. Прошло сколько-то времени, он пришел к начальнику ОГПУ и повторил свой вопрос.

– Степан Пименович, – сказал тот, – ваше освобождение лежит у меня под сукном, но мы вас не хотим отпускать. Послушайте меня. Вы когда приедете на родину, то местные власти соберут на вас компрометирующие материалы, вас арестуют и опять посадят. Поезжайте, заберите своего отца, семью и опять приезжайте. Зачем вам уезжать? Вас все равно арестуют и опять вышлют – такая ведется политика. Забирайте отца, семью и возвращайтесь.

Степан не согласился с начальником ОГПУ, взял справку об освобождении и в сентябре 1932 года уехал на родину.

В селе Константиновке уже пять лет как храм был закрыт, священника не было. Когда приехал Степан, к нему сразу же потянулись люди. В селе было в то время девятьсот дворов, и стали его просить односельчане, чтобы он отхлопотал, помог им открыть храм. Степан знал, что законным образом храм закрыть не могли. Он собрал церковную общину из двадцати человек и поехал с бумагами к властям в Херсон, откуда сразу же вернулся со священником. Жившая в селе монахиня Евдокия стала псаломщицей, Степан стал управлять церковным хором, который он быстро собрал, отбою не было от желающих петь на клиросе.

Пришла Пасха. Степан ликовал. Три дня он поднимался на колокольню и с вдохновением и восторгом звонил в колокола. Пасхальное настроение и великая

радость царили в душе Степана и в душах жителей Константиновки.

Стали власти подбираться к нему:

– Иди в колхоз!

Он тогда работал маляром по найму.

– Что я буду делать в колхозе? – ответил Степан. – Дайте мне паспорт, и я уеду.

Но паспорта власти не дали, и начались преследования и мытарства. В 1934 году умер отец Степана; земля, бывшая в его хозяйстве, осталась незасеянной, и в августе 1934 года Степана привлекли к ответственности за непосад своего хлеба на площади одного гектара и осудили на пять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Он написал жалобу, дело было пересмотрено, и он, не доехав до концлагеря, был освобожден и вернулся домой. Однако преследования не прекратились. Власти стали требовать от Степана уплаты то одних налогов, то других. Отобрали бычка, корову, лошадь, из живности остались одни только куры, но уплаты налогов требовали как с полного хозяйства – и молоком, и мясом, и шкурами. И не стало ему чем платить. В апреле 1935 года состоялся суд над Степаном. Судья Куропаткин приговорил Степана к трем годам исправительно-трудовых лагерей и к двум годам поражения в правах. Степана посадили в тюрьму, где он пробыл до февраля 1937 года, а затем был отправлен этапом во Владивосток. Он написал жалобу властям в Москву, откуда через некоторое время пришел ответ: оправдать со снятием судимости, против судьи и прокурора возбудить уголовное дело.

Тем временем его жена и дочь переехали в Симферополь, и летом 1937 года Степан приехал к ним и устроился работать маляром. Молиться он ходил в храм на кладбище, и настоятель храма, священник Николай Швеи, в августе 1940 года попросил его выполнить работу для храма – выкрасить крышу. В это же время настоятель собора предложил Степану стать регентом хора. Здесь, на службе, Степан снова нашел свое место – не было для него ничего дороже, чем церковь. И конечно, беседуя с верующими, он не скрывал религиозных взглядов – как, по его мнению, Священное Писание смотрит на современные вопросы человеческой жизни. Так возникло его последнее «дело».

25 октября 1940 года было выписано постановление на арест Степана. Через три дня настоятель храма отец Николай пригласил Степана к себе домой в связи с окончанием работы по храму. Степан сказал тогда жене:

– Харитина, отец Николай с матушкой приглашают нас на чашку чая.

Жена отказалась, и в гости пошел он один. Домой Степан вернулся около одиннадцати часов вечера. Пришел и сказал:

– У отца Николая брат был, приехал откуда-то из Центральной России. Поели, выпили чаю, немного поговорили.

Было поздно и надо было укладываться спать, но в два часа ночи раздался стук в дверь. Открыли. На пороге стояли сотрудники НКВД, они предъявили ордер на обыск в квартире и арест Степана. Степан их спросил, что они собираются искать; те ответили, что документы, не объясняя какие. Забрали паспорт, Библию 1904 года издания и Евангелие 1903 года. Наконец нашли справку об освобождении Степана. И когда нашли, сказали ему:

– Возьмите одеяло, подушку и пойдете с нами.

Так он был арестован. Дочь во все время нахождения отца под следствием добивалась у начальства тюрьмы разрешения на передачу продуктов, но ей отказывали. Она стала требовать. Видя ее неотступность, сотрудник НКВД отвел

ее в отдельную комнату и спросил:

– Что вы можете сказать о своем отце? Какой он был как отец?

– Вам бы не следовало задавать такие вопросы дочери. Даже если бы был отец плохой, то как же я могла бы сказать, что мой отец плох. Но такой отец, как у меня, – лучше такого, как он, нет.

Ее отпустили, но передачу не приняли, и не принимали во все время следствия в течение полугода.

Допросили Степана сразу же в день ареста.

– За что вы были осуждены в 1923 году и высланы? – спросил следователь.

– В 1923 году я был осужден за то, что, будучи религиозным человеком, проповедовал в городе Москве на Ваганьковском кладбище о том, что христианское учение есть единственно правильное учение. За проповеди меня осудили и выслали.

– Какое учение вы считаете правильным?

– Не имея понятия о коммунистическом учении, я не считал коммунистическое учение правильным или неправильным учением и проповедовал христианское учение.

– Назовите фамилии лиц из православного духовенства, с которыми вы имели связь в городе Симферополе.

– Посещая кладбищенскую церковь, я встречался со священником Николаем, фамилию которого не знаю. Кроме того, знал еще одного священника, фамилию которого также не знаю, не припомню.

– Сообщите, при каких обстоятельствах вы познакомились со священником Николаем.

– Я со священником Николаем встречался в церкви, не помню точно, но, кажется, с 1937 года. Мы беседовали, но на какие темы, не помню, затрудняюсь сказать. В августе 1940 года священник Николай предложил мне покрасить крышу церкви, я согласился. Во время окраски крыши я заходил к священнику Николаю. Здесь же присутствовал еще один человек, фамилии и имени которого я не знаю. В разговоре с ними на религиозные темы я говорил о 13-й главе Апокалипсиса. Второй раз я заходил к священнику Николаю за маслом для окраски крыши. Это было в середине сентября. У священника Николая я опять встретил неизвестного мне гражданина. После окраски крыши я опять был в квартире у священника Николая, приходил к нему за расчетом. Вскоре после этого я был арестован.

– Вы посещали священника Николая и беседовали с ним, сообщите все, что вам известно о нем.

– Я священника Николая мало знаю и ничего сказать о нем не могу. Бесед с ним не имел.

Не видя иного выхода из тупика, в котором оказалось следствие, следователи решили привлечь в качестве свидетеля священника Николая Швеца.

Священник Николай показал:

– Наливайко довольно религиозно начитанный человек, разбирается хорошо в религиозных вопросах и производит впечатление большого оратора. Он может по несколько часов подряд говорить на религиозные темы. К советской власти Наливайко настроен враждебно, не признает ее и считает, что эта власть не от Бога и ей не должны подчиняться. О военных событиях Наливайко говорил так, что союзники воюют против Германии больше для блезиру, только для того, чтобы втянуть в войну нейтральные страны, а потом всем вместе ударить с юга на СССР, который и будет побежден. Этот разговор далеко не исчерпывается тем, что

я показал. Я сказал только самое основное, что сохранилось в памяти.

После этого Степан был снова допрошен.

– В распоряжении следствия имеются данные о том, что вы под видом распространения религиозных проповедей проводили среди верующих антисоветскую пропаганду. Предлагаю вам еще раз дать по этому поводу подробное показание.

– Я религиозных проповедей не проводил и антисоветской пропагандой не занимался.

Хотя почти все допросы проводились ночами, Степан не ленился внимательно прочитывать протоколы и в конце каждого, прежде чем расписаться, писал своею рукою: «Протокол мною прочитан. Записано с моих слов верно».

При всех ухищрениях следователей им не удалось заставить Степана оговорить себя. Срок, отведенный для следствия, подходил к концу, а Степан по-прежнему держался спокойно и ровно и подписывать лжесвидетельства против себя не соглашался. 18 января 1941 года следователь еще раз вызвал его на допрос.

– Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении? – спросил он.

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

– Следствие предлагает вам прекратить бесцельное упорство – отрицание своей антисоветской деятельности и признаться откровенно в совершенных вами контрреволюционных действиях.

– Я антисоветской, контрреволюционной деятельности не вел.

21 января Степан был вызван на последний допрос.

– Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

В тот же день следователь составил протокол об окончании следствия и предоставил возможность обвиняемому самому ознакомиться с материалами. Прочитав их, Степан написал: «С материалами следственного дела на тридцати трех листах я ознакомился. По приведенному следственному материалу виновным себя не признаю, так как антисоветской агитацией я абсолютно нигде и никогда не занимался... А поэтому ни в чем вышеуказанном виновным себя НЕ ПРИЗНАЮ».

4 февраля отдел прокуратуры по спецделам, рассмотрев материалы следствия, вынес заключение: «Будучи привлечен и допрошен в качестве обвиняемого, Наливайко С. П. в контрреволюционной деятельности виновным себя не признал, но не отрицает тот факт, что церковь, находящуюся в Симферополе (на кладбище), раз двадцать посещал.

Принимая во внимание, что добытых материалов для направления дела в судебное заседание недостаточно, а личность обвиняемого Наливайко С.П. является социально опасной, полагал бы: дело по обвинению Наливайко С.П. в контрреволюционной деятельности направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР».

7 апреля 1941 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Степана Пименовича к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Перед отправкой в лагерь ему дали свидание с дочерью. И отец сказал ей, что в гостях тогда у отца Николая был не брат, а начальник следственной части НКВД, и сам

отец Николай является сотрудником НКВД*. Все, в чем обвинили его, – выдумка, но поскольку решение о его деле выносило Особое Совещание, то никто не стал проверять, кто и что там говорил. Осудили его за то, что он был судим раньше.

Степана Пименовича отправили в исправительно-трудовой лагерь в Норильск. С началом Великой Отечественной войны переписка между ним и родными прекратилась. Только в начале 1945 года они получили от него первое после перерыва письмо: «До окончания моего срока остается три месяца. Даст Бог, и нам придется еще пожить вместе».

Родные послали ему письмо, деньги, посылку, но ответа уже не пришло. Через некоторое время Раиса Степановна послала запрос в управление ГУЛАГа, откуда ей ответили, что Степан Пименович Наливайко умер от голода 12 февраля 1945 года.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь».
Тверь. 2005. С. 440-456

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 5. Тверь, 2001. С. 35-53.

УФСБ России по Москве и Московской обл. Д. 52353.

УСБУ в Крымской обл. Д. СП-018296.

* Когда началась Великая Отечественная война и Крым оказался захваченным немцами, священник Николай Федорович Шве́ц остался в Симферополе и продолжал служить в храме. Он был повешен немцами за то, что выдавал евреям справки о том, будто они крещены.